

WQXR

Feb 18, 2016 · by [David Patrick Stearns](#)

When baritone Dmitri Hvorostovsky returned to the Metropolitan Opera for autumn performances of *Il Trovatore* following a summer of brain tumor treatments, general manager Peter Gelb expressed perfect confidence that the singer knew his limitations and would not be in over his head. The result was one of the more compelling performances of his career.

Following more treatments abroad, Hvorostovsky carved out for himself a carefully circumscribed medium-weight program at his Carnegie Hall recital on Wednesday with pianist Ivari Ilja. It was well within his vocal

reach and prompted mostly medium-voltage performances. The packed house — that included Renee Fleming, as well as what appeared to be a family cheering section drawing Hvorostovsky's affectionate eye contact — often cheered before the Glinka, Rimsky-Korsakov, Tchaikovsky and Strauss songs were fully over.

The concert was also on the short side. The printed portion of the program was over in 90 minutes. But the message emerging from the recital was that Hvorostovsky remains a formidable presence, both vocally and physically. This is important news in a world where singers fear that the treatments necessary to save their lives may have deleterious side effects to their voices.

Hvorostovsky's vocal state wasn't that of someone who had been through an illness but of a singer adjusting to his mid-50s prime in his 27th year of international fame. High notes weren't as richly colored as before. His tone quality wasn't always as well supported as in the past. (This was also apparent in his recent broadcast of *Eugene Onegin* from London's Royal Opera). Some of the recital's music seemed to have been dusted off rather recently, considering how frequently he consulted a discreetly placed music stand.

But whenever he would sneak an extra breath near the climactic close of a song, something special was on the way. For all of his exterior glamour, Hvorostovsky is a highly technical singer, and those elongated moments that create his trademark rhetorical emphasis — starting with Rimsky-Korsakov's "The wave breaks into spray" — are the result of smart vocal planning rather than impulsive inspiration.

A set of five Glinka songs — similar to those by Schubert and Schumann but in Russian — were the standard throat-clearing opening, in performances that were a bit perfunctory. From there, a pattern emerged: The more interesting elements Hvorostovsky had in any given song, the more engaged his performance. Some of the six Rimsky-Korsakov songs, for example, eschew a standard verse form in favor of a continuously unfolding musical entity to which Hvorostovsky heartily responded.

The Tchaikovsky set was the best of the evening and was the one where he consulted his music stand the least. One highlight from the set was "The Nightingale" with its sophisticated piano writing, which evokes the bird's call in ways that chart the emotional evolution of the song. "Amid the din of the ball" had Hvorostovsky establishing an aristocratic veneer that set the tone for the song's juxtaposition of exterior poise and interior longing. "The first meeting" closed the Tchaikovsky set with his impressive breath control.

As great as it was to hear Hvorostovsky singing favorite Strauss songs such as "Morgen" and "Zueignung," the music didn't seem fully worked into his voice. His mix of vocal registers wasn't as seamless as usual. But every aspect of his art came together beautifully in his frequently-employed encore, the unaccompanied folk song "Nochen'ka" that ended with a twist: Hvorostovsky moved toward the audience with a broad smile that suggested happiness was indeed ahead. It's always fun to glimpse his more unbuttoned side. At one point when a cell phone rang between songs, he craned his neck as if to ask, "Is it for me?"

5 Comments

Charles Powell from Astoria,NY

I really liked the recital and considering that a well-known tenor cancelled his recital at Carnegie Hall and his performances at the Met it was very heartening to see Dmitri. He had an excuse to cancel but did not disappoint his fans. His Strauss may not be to the standard of D. F-D BUT I was so touched to hear them. Please could anyone tell me what was the Italian encore?

Feb 18, 2016

christiane andersson from pennsylvania

The Strauss songs were an embarrassment. Even with the score in front of him, which he evidently needed, he flubbed one of his entrances, was making up some of the German lyrics, and seems not to have prepared this part of his recital at all. Bruta figura.....

Feb 18, 2016

Geo. from St. Louis, MO

Actually, I'm more on Sharon M's side than Anita B's in terms of DPS being fair and honest in his critique of Mr. Hvorostovsky's recital. I don't think that Mr. Hvorostovsky would have wanted anyone to play the sympathy card in reviewing him. It sounds as though he did quite well, all things considered.

Feb 18, 2016

Anita B from Staten Island, NY

I thought Mr. Hvorostovsky presented a magnificent recital last night with his superb accompanist, Mr. Ilja. The recital was of sufficient length and due to Mr. Hvorostovsky's current medical condition, I was amazed at his stamina and voice. I followed the translations for all the Russian songs and his interpretation and vocal nuances were spot on. You should not have been quite so critical in your review. I am a singer, retired music teacher (conservatory trained) and the widow of a FDNY 9/11 hero who lost his life due to a GBM brain tumor.

Feb 18, 2016

Sharon M from Fair Lawn, NJ

Thank you, David Stearns, for an honest and thoughtful review. I had been concerned that, in the event of a less than stellar performance, critics would mute their true opinions out of a genuine sympathy for Hvorostovsky's health problems. I'm also glad that it was a fine performance all in all.

Feb 18, 2016

Обзор: Дмитрий Хворостовский в Карнеги-холл

Дэвид Патрик Стернс

Когда баритон Дмитрий Хворостовский после летнего лечения от опухоли головного мозга вернулся в Метрополитен-опера на осенние представления "Трубадура", генеральный менеджер Питер Гелб выразил абсолютную уверенность в том, что певец знает свои ограничения и не будет делать то, что выше его сил. Результатом стало одно из самых ярких выступлений в его карьере.

После дальнейшего лечения за рубежом для своего сольного концерта в Карнеги-холл в среду с пианистом Ивари Илия Хворостовский подобрал программу средней сложности. Она была вполне в пределах его вокальных возможностей и рассчитана в основном на выступление среднего напряжения. Переполненный зал, в котором присутствовала Рене Флеминг, а также группа семейной поддержки, на которую бросал ласковый взгляд Хворостовский, часто аплодировал ещё до полного окончания романсов Глинки, Римского-Корсакова, Чайковского и Штрауса.

Концерт был относительно коротким. Напечатанная программа была закончена за 90 минут. Но смысл концерта заключался в том, что Хворостовский по-прежнему силен как вокально, так и физически. Это важная новость в мире, где певцы опасаются, что лечение, необходимое для спасения их жизни, может иметь пагубные побочные эффекты для их голоса.

Вокальное состояние Хворостовского было не как у человека, переносившего болезнь, а как у певца, адаптирующегося к расцвету в середине своих 50-х годов на 27-м году международной славы. Высокие ноты были уже не такими насыщенными, как раньше. Качество его тона не всегда поддерживалось так хорошо, как в прошлом. (Это также было заметно в недавней трансляции его "Евгения Онегина" из лондонской Королевской Оперы). Некоторые произведения концерта, казалось, были выучены совсем недавно, учитывая, как часто он обращался к нотам на пюпитре.

Но всякий раз, когда он делал дополнительный вдох перед кульминационным завершением песни, это означало, что на подходе что-то особенное. Несмотря на весь свой внешний блеск, Хворостовский — высокотехнический певец, и те удлинённые моменты, которые создают его фирменный риторический акцент - начиная с "Дробится, и плещет, и брызжет волна..." Римского-Корсакова, - являются результатом скорее умного вокального планирования, чем импульсивного вдохновения.

Пять романсов Глинки — похожих на песни Шуберта и Шумана, но на русском — были стандартным вступлением для прочистки горла, в исполнении, которое было немного поверхностным. Отсюда возникала закономерность: чем больше интересных элементов было у Хворостовского в том или ином романсе, тем более захватывающим было его исполнение. Некоторые из шести романсов Римского-Корсакова, например, отказываются

от стандартной стихотворной формы в пользу постоянно разворачивающейся музыкальной структуры, на что Хворостовский искренне откликнулся.

Блок Чайковского был лучшим за вечер, и именно в нём он меньше всего обращался к пиюитру. Одним из самых ярких моментов этой части был "Соловей" с его сложным фортепианным сопровождением, напоминающим крики птиц, что отражает эмоциональную эволюцию романса. Романсу "Средь шумного бала" Хворостовский придал аристократический лоск, задавший тон сочетанию внешней уравновешенности и внутренней тоски. "Первое свидание" с его поражающим контролем дыхания завершил блок Чайковского.

Как бы ни было приятно услышать Хворостовского, исполняющего любимые песни Штрауса, такие как "Morgen" и "Zueignung", музыка казалась не полностью проработанной в его голосе. Сочетание вокальных регистров было не таким безупречным, как обычно. Но все аспекты его искусства прекрасно сочетались в часто исполняемом бисе - народной песне "Ноченька" без сопровождения, с неожиданной концовкой: Хворостовский двинулся к аудитории с широкой улыбкой, как бы говорившей, что счастье действительно впереди. Всегда интересно взглянуть на его более непосредственную сторону. В какой-то момент, когда в паузе между номерами зазвонил мобильный телефон, он вывернул шею, как бы спрашивая: "Это мне?"

5 Комментариев

Чарльз Пауэлл из Астории, Нью-Йорк 18 февраля 2016

Мне очень понравился концерт, и, учитывая, что известный тенор отменил свой концерт в Карнеги-холл и выступления в Метрополитен-опера, было очень приятно увидеть Дмитрия. У него был предлог отменить концерт, но он не разочаровал своих поклонников. Его Штраус, может быть, и не соответствуют стандартам D. F-D, НО я был так тронут, услышав их. Пожалуйста, кто-нибудь может сказать мне, что это был за итальянский бис?

Кристиан Андерссон из Пенсильвании 18 февраля 2016

Песни Штрауса вызвали недоумение. Даже имея перед собой партитуру, которая ему, очевидно, была нужна, он пропустил одно из своих вступлений, сочинил некоторые немецкие тексты и, похоже, вообще не готовил эту часть своего выступления. Позор...

Гео. из Сент-Луиса, Миссури 18 февраля 2016

На самом деле, я больше на стороне Шэрон М., чем Аниты Б. с точки зрения того, что DPS (Дэвид Патрик Стернс – автор статьи) был честен в своей критике выступления господина Хворостовского. Не думаю, что господин Хворостовский хотел бы, чтобы кто-то разыгрывал карту сочувствия, рецензируя его. Судя по всему, у него всё получилось довольно хорошо.

Анита Б из Стейтен-Айленда, Нью-Йорк 18 февраля 2016

Думаю, вчера вечером господин Хворостовский со своим превосходным аккомпаниатором мистером Илия дал великолепный концерт. Концерт был достаточно продолжительным, и, учитывая состояние здоровья господина Хворостовского, я была поражена его стойкостью и голосом. Я следила за переводами всех русских песен, и его интерпретация и вокальные нюансы были точными. Вам не следовало быть таким критичным в своем отзыве. Я певица, учитель музыки на пенсии (окончила консерваторию) и вдова героя 11 сентября 2001, умершего из-за опухоли головного мозга.

Шэрон М. из Фэр-Лоун, Нью-Джерси 18 февраля 2016

Спасибо, Дэвид Стернс, за честный и вдумчивый отзыв. Я переживала, что в случае не слишком блестящего выступления из-за искреннего сочувствия к проблемам Хворостовского со здоровьем критики будут скрывать своё истинное мнение. Я также рада, что в целом это было прекрасное выступление.

Перевод с английского Н. Тимофеева